

УДК 82.091

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-106-114

Сапченко Л.А.*Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова***«ГИШПАНЦАМ ЖЕЛАЮ ДОБРА...» (Н.М. КАРАМЗИН И ИСПАНИЯ)***

Аннотация. В статье рассмотрены различные аспекты осмысления и художественного воплощения Н.М. Карамзиним образов, тем и мотивов, связанных с событиями испанской истории и культуры, в том числе карамзинская интерпретация образа Дон-Кихота. Освещено отношение российского историографа к событиям испанской революции начала 1820-х гг. в контексте его исторических изысканий и нравственно-философских раздумий о проблемах добра и зла, о власти и тирании, о монархии и республике. Используются стихотворения, проза, письма Карамзина, а также неопубликованные источники.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин. Испанская тема Революция Образ Дон-Кихота Добро и зло

L. Sapchenko*Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University***«I WISH WELL TO THE SPANIARDS...» «(N. KARAMZIN AND SPAIN)»**

Abstract. The article deals with various aspects of N. Karamzin's comprehension and artistic expression of images, themes and motives associated with the events of Spanish history and culture, including Karamzin's interpretation of the image of Don Quixote. The article illustrates the Russian historiographer's attitude towards Spanish revolution of the early 1820s in the context of his historical research and his moral and philosophical reflection on the issues of good and evil, on power and tyranny, on monarchy and republic. The article uses Karamzin's poems, prose, letters, and also unpublished sources.

Keywords: N. Karamzin, Spanish theme, revolution, image of Don Quixote, good and evil.

Испанская тема, представленная в поэзии, в прозе, в эпистолярной Н.М. Карамзина, содержит целый комплекс проблем, связанных с жизнью и творчеством писателя и историографа.

В рамках темы «Карамзин и Испания» может быть выделено несколько смысловых аспектов: пространственный, исторический, социально-политический, литературный. Особую роль при этом играют тема революции и образ Дон-Кихота – крупнейшее событие испанской истории и вечный образ мировой литературы. Его символическое содержание, связанное у Карамзина с осмыслением собственного мироощущения, с течением времени становится более сложным и

© Сапченко Л.А., 2015.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Номер проекта 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь».

философски значимым, представляя собой способ интерпретации разнобразного исторического, культурного, психологического материала.

В 1792 году Карамзин напечатал в «Московском журнале» перевод старинного испанского романса о графе Гвариносе, упомянутого Сервантесом в романе «Дон-Кихот» и входившего в испанские песенники, начиная с середины XVI в. Как указано в комментариях к полному собранию стихотворений Н.М. Карамзина, он перевёл этот романс с немецкого по изданию Ф.-Ю. Бертука «Magazin der Spanischen und Portugiesischen Literatur» (1780-1783) [14, с. 380]. Романс о графе Гвариносе в карамзинском переводе вошёл «в русскую поэзию значительно ранее, чем возник широкий интерес к испанским романсам во многих других европейских литературах» [2, с. 121].

В комментариях в «Графу Гвариносу» сообщается также, что «именно Карамзин выработал русскую ритмическую систему для передачи формы испанского романса средствами русской поэзии. Её в дальнейшем использовал Пушкин (ср. ”На Испанию родную”)» [14, с. 380].

Как автор «Писем русского путешественника», Н.М. Карамзин создал в своём произведении образы Швейцарии, Франции, Англии... Испания находилась в стороне от его маршрута. Однако испанские мотивы уже звучали в «Письмах...» и были связаны с образом Дон-Кихота.

Ю. Айхенвальд отмечает, что поначалу и для Карамзина, и для других его современников «Дон-Кихот был воплощённой нелепостью» («превеликие шпоры», которыми похвалялся некий почтмейстерский сын в Штаргарде,

напомнили насмешникам-офицерам «изображение на эстампах в Дон-Кихоте» [1, с. 26]).

Говоря о посещении Веймара, русский путешественник упоминает о живущих в этом городе писателях: Гёте, Бертухе, Боде и др., отмечая для себя главное: «21 июля. Бертух перевёл с гишпанского “Дон-Кишота” и выдавал “Магазин гишпанской и португальской литературы”; а Боде славится переводом Стернова “Путешествия” и “Тристрама Шанди”» [13, с. 77-78].

Айхенвальд указывает также на другое упоминание о Дон-Кихоте в «Письмах...» Карамзина: говоря о прочитанных в детстве книгах, «воспалённых» его воображение, русский путешественник видит себя «маленьким Дон-Кишотом» и вспоминает «один вечер, сумрачный и бурный, в который, ощутив вдохновение божественных фей», он «забрался в ту горницу, где хранились разные оружия, покрытые почтенною ржавчиною, – схватил саблю <...> и, заткнув её за кушак тулупа своего, отправился на гумно <...> искать приключений и противиться силе злых волшебников, но чувствуя в себе на каждом шагу умножение страха, махнул саблею несколько раз по чёрному воздуху и благополучно возвратился в свою комнату», думая, что подвиг его был «довольно важен» [1, с. 26; 13, с. 158].

В 1791 году вышел поэтический томик Карамзина «Мои безделки». Называя так свой сборник, пишет Ю.М. Лотман, Карамзин, «конечно, помнил беседу Дон-Кихота в барселонской типографии:

«Как называется эта книга? – осведомился Дон-Кихот. Переводчик же ему ответил:

– Сеньор, итальянское заглавие этой книги – *La Bagatelle*.

– А чему соответствует на испанском языке слово *la bagatelle*? – спросил Дон-Кихот.

– *La bagatelle*, – пояснил переводчик, – в переводе на испанский язык значит безделки, но, несмотря на скромное своё заглавие, книга эта содержит и заключает в себе полезные и важные вещи» [18, с. 310].

К испанской теме писатель обращается также в повести «Сиерра-Морена» (1794). Глубокое душевное потрясение, испытанное Карамзиным в середине 1790-х годов в связи с политическими событиями во Франции, отобразилось в его предромантических повестях, отмеченных печатью отчаяния и разочарования во всем человеческом роде, подверженного губительным страстям («Остров Борнгольм», «Афинская жизнь», «Сиерра Морена»).

Одним из основных принципов осмысления испанской темы является её соотнесённость с русским пространством. Топографическое изображение Испании имеет условный характер («цветущая Андалузия», «гордые пальмы», «миртовые рощи», «величественный Гвадалquivир» [15, с. 530]). Испания предстает как отечество пламенных, доходящих до фанатизма, страстей. Фанатизм разного рода всегда был неприемлем для Карамзина, желавшего добра всему человечеству. Экзотической и бурной, «розмарином увенчанной» Сиерре Морене противопоставлена «страна печального Севера», где нет жизни, нет любви. Пространство мирной идиллии исключено в повести. Бесприютная земная юдоль заставляет повествователя устремиться мыслями в иной мир, где царят

«вечный покой» и «святое безмолвие» [15, с. 534]. «В “Сиерре Морене” мы встречаем портрет русской души и испанского сердца в версии русского сентиментализма» [25, с. 74].

Повесть о любви и нарушенной клятве, о вине и искуплении была, по мнению исследователей, органично связана с мучительными раздумьями Карамзина о добре и терпимости во взаимоотношениях между людьми, о судьбах человеческого сообщества. Сострадая его трагической участи в годы Французской революции, Карамзин писал И.И. Дмитриеву: «Назови меня Дон-Кишотом, но сей славный рыцарь не мог любить Дульцинею так страстно, как я люблю – человечество!» (1793) [11, с. 42]. Приводя эти строки, В.Е. Багно пишет: «Это любопытное высказывание примечательно по разным причинам. Оно в высшей степени характерно для сознания мифотворящего, не склонного, да, впрочем, и не обязанного считаться с реальностью и фактами. <...> Уподобив зачарованную Дульсинею страждущему человечеству, Карамзин, по-видимому, впервые выразил то понимание донкихотства, столь свойственное русскому утопическому сознанию, которое стало символом веры русской интеллигенции». Русские «... в нём увидели родную душу» [3].

В то же время отношение Карамзина к утопическим проектам всегда было скептическим. «Желая добра» всему человечеству, в том числе и «гишпанцам», писатель понимал несбыточность благих мечтаний о земном рае.

Образ Дон-Кихота, осмысленный как общечеловеческий метатип, у Карамзина представлен в разнообразных

жанрах: в путешествии, в стихотворных посланиях, в письмах, в неоконченном романе.

Становясь старше, Карамзин «всё определённое симпатизировал очарованной душе человека из Ламанчи», – пишет Ю. Айхенвальд [1, с. 26]. «В 1789 году он отождествил с Дон Кишотом себя-мальчика; в 1796 он сблизил с Рыцарем Печального Образа себя самого, воспринимая искусство как игру воображения и советуя “бедному поэту”:

*Или, подобно Дон-Кишоту,
Имея к рыцарству охоту,
В шишак и панцирь нарядись,
На борзого коня садись,
Ищи опасных приключений,
Волшебных замков и сражений,
Чтоб добрым принцам помогать
Принцесс от уз освободить....*

и т. д.» [1, с. 65].

В 1803 году появился в печати неоконченный роман Карамзина «Рыцарь нашего времени». По словам Ю.М. Лотмана, «слово “рыцарь” в заглавии повести Карамзина, вероятно, было рассчитано на то, чтобы вызвать у читателей ассоциацию с Дон-Кихотом» [17, с. 16]. «Под донкихотством понималось и глупое сумасбродство, и опасное для общества стремление повернуть историю вспять, и героический энтузиазм одиночки, и высокие порывы духа, способные спасти людей, погрязших в прагматизме» [3].

У Карамзина герой Сервантеса получил своеобразную интерпретацию, состоящую в постановке проблемы «герой и время». Уже в «Письмах русского путешественника» понятие «рыцарь» (характерное для культуры средневековья) соотнесено с разными

историческими эпохами, в комическом ключе показано несоответствие того или иного персонажа своему времени. Но постепенно комический ракурс дополняется трагическим взглядом, замечающим утрату в людях высоких порывов духа, благородства помыслов, героического энтузиазма, самопожертвования.

О благородном безрассудстве и о «великих жертвах добродетели» Карамзин упомянул также в психологическом очерке «Чувствительный и холодный»: «... одни чувствительные приносят великие жертвы добродетели, удивляют свет великими делами, для которых, по словам Монтаня, нужен всегда небольшой примес безрассудности...» [15, с. 609].

Что же касается «Рыцаря нашего времени», то конфликт героя и времени был заложен в самом заглавии. Начинаясь история души Леона дана вне большого контекста эпохи. Он не «герой», а «рыцарь» своего времени. Как отмечает С.Б. Каменецкая, «герой русского романа, не выдерживая испытания социальной мобильностью, не идёт тем не менее на нравственный компромисс и сохраняет верность выработанным русской культурой высоким, хотя и не применимым в данный момент, ценностям жизни» [7, с. 2-3].

Может быть, именно в этом причина незавершённости «романической истории приятеля». Сущность конфликта карамзинского героя с его временем выражена в том, что, «в совершенных летах» встречая часто «противное» его идеальным представлениям, он не утрачивает своих рыцарских качеств, и в дальнейшем «сердце его не расстанется со своею утешительною системою» [15, 593]. Ка-

рамзинский Леон с его верой в конечное торжество добра, с его рыцарским поклонением женщине противостоит холодным флегматикам, эгоистам и т. п., которые, видимо, и являются характерными для современности.

У Карамзина выстраивается целый парадигматический ряд, в рамках которого образ Дон-Кихота каждый раз обнаруживает новые смысловые грани, наполняется все более глубоким содержанием и становится способом осмысления законов человеческой истории, литературной жизни, способом самопознания.

В 1803 году Карамзин приступил к созданию «Истории государства Российского». Напечатанное в 1818 году Предисловие к первым 8 томам начиналось так: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» [9, с. IX].

Слова эти удивительным образом оказались созвучны известному высказыванию Сервантеса: «История – сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего» [4].

Всецело погружившись в российскую историю, Карамзин тем не менее внимательно следил за происшествиями в Европе.

В январе 1820 года в Испании вспыхнула буржуазная революция, началом которой послужило восстание части Экспедиционной армии во главе с Риго-и-Нуньесом (1785-1823) (партия эскальдос). Революция про-

ходила под лозунгом восстановления конституции, принятой Кадисскими кортесами в 1812 году и упразднённой в 1814 году королём Фердинандом VII (1784-1833), вернувшимся на престол после разгрома наполеоновских армий)¹. 26 марта Карамзин писал брату Василию Михайловичу: «Волнение умов не утихает, а прибавляется. Что это будет с Гишпаниею! По крайней мере желаю, чтоб не было войны» [12, с. 59]

В этом же письме историограф общал о ходе своей работы: «... С некоторого времени опять пишу довольно прилежно: авось к зиме, если Бог даст, допишу девятый том» [12, с. 59]. Дело в том, что в IX томе, посвящённом царствованию Ивана Грозного, особенно остро стояла проблема монархической власти и тирании. Осуждая злодейства «Ивашки», как называл его Карамзин, он не отвергал в принципе идею единоличной самодержавной власти, хотя писал И.И. Дмитриеву: «Не требую ни Конституции, ни Представителей, но по чувствам останусь республиканцем, и притом верным подданным царя русского: вот противоречие, но только мнимое» [10, с. 249].

События в Испании Карамзин соотносил с обстоятельствами исторической и культурной жизни России, со своими раздумьями о путях развития человечества. Российские журналы регулярно информировали своих читателей о европейских политических новостях, в частности о том, что король испанский, «вняв желанием своего верного и великодушного народа, принял конституцию, составленную кортесами в 1812 году» и сам

¹ Благодарю Т.Ф. Селезеву за материалы, предоставленные к этому разделу статьи.

присягнул Конституции, заявив, что «всегда готов исполнить всё, чего требует польза государства и благо народа». Сообщалось также, что «генерал Балластерос назначен главнокомандующим центральной армии. Сего дня поутру народ повёз его в карете на себе на площадь, где поставлен был огромный мрамор, наименованный камнем Конституции. На нём изображены были сии слова: да здравствует Король, Королева и Конституция! – Король прогуливался в Прадо. Несметная толпа встретила и провожала его радостными восклицаниями. – Спокойствие столицы ни на минуту не было нарушено» [20, с. 39-40].

В письме к Дмитриеву от 1 апреля 1820 года Карамзин высказывается о европейских происшествиях: «...думаю, что гишпанская история не останется без хвоста. Армия даёт законы королю?» [10, с. 284-285].

Испанские события продолжали живо интересовать российского историографа. 12 апреля он писал князю П.А. Вяземскому: «... История Гишпании очень любопытна. Боюсь только фраз и крови. Конституция Кортесов есть чистая демократия а *quelquechose* гергис¹. Если они устроят государство, то обещаюсь идти пешком в Мадрит, а на дорогу возьму Дон-Кихота или Кихота. Чту сказал бы наш незабвенный Батонди²? Ah, *monsieur!* *Jevousgrïdisqu'ilyauraquelquechose!*³ Пророков у нас бездна. Канцлер граф Румянцев именно предсказал революцию в Гишпании: я слышал

своими ушами глас Иеремии! Будет ли лучше? Будет ли хуже? Последнее, увы, обыкновеннее. Впрочем, есть горка на земле, откуда всё кажется совершенством: там, где мы стоим с мыслию о Провидении! Довольно» [11, с. 99]. Очевидно, что всё происходящее вызывало у Карамзина желание обосновать или опровергнуть свой политический скепсис, предугадать исторические судьбы России.

Материалы об Испании помещали «Вестник Европы» и «Сын Отечества»: «Кроме клубов Лоренцини и Сент-Себастиана открыт в Мадрите ещё третий клуб каноником Навасом. В ежедневных собраниях сих клубов читаются известия из провинций и произносятся речи с кафедр вдохновенными членами» [22, с. 157].

«При введении Конституции в Испании начали издаваться в Мадрите 23 журнала, но с того времени оные мало по малу сами собой прекратились, кроме четырёх: Конституционный, Всеобщий, Смесь и Ведомости кортесов» [21, с. 190].

Внимание Карамзина к революционным событиям не ослабевало и давало пищу для его философско-политических размышлений. В письме к Вяземскому от 17 мая Карамзин выражает скептическое отношение к тому, что происходит в Испании: «Гишпанцам желаю добра, а едва ли придётся мне, и с вами, идти к ним пешком. Клобам и журналами не прельщаюсь» [11, с. 101].

28 сентября 1820 года Карамзин поздравляет Дмитриева «с **новой** революциею (португальскою)»: «Скоро ли пройдёт эта мода? Или мы пройдем скорее, т. е. уйдём от всех революций в долину Иосафатову? Часто повто-

¹ почти; близко к тому (*франц.*)

² Батонди был домочадцем у князей Вяземских.

³ Ах, месье! Предупреждаю вас, что-нибудь да случится! (*франц.*)

ряю слова незабвенного Батонди: *ilau-
raquelquechose! <...>*» [10, с. 294].

В это же время Карамзин намеревался сообщить в газетах о подписке на IX том «Истории государства Российского» [10, с. 294]. Темы: власть и народ, Свобода и Закон, рабство и тирания – оставались всегда актуальными для автора исторического сочинения.

К концу года революционные настроения в Испании были подавлены действиями правительства: «Кортесы утвердили закон об уничтожении всех патриотических обществ, клубов и пр., существующих без согласия и надзора правительства. Мера весьма благоразумная! Известно, что большая часть бедствий Французской революции причинена Якобинскими клубами» [21, с. 278] – писал «Сын отечества».

Брожение в Европе по-прежнему привлекало пристальный взгляд российского историографа, предметом раздумий которого была проблема государственной власти. Форма правления – монархическая или республиканская – была осмыслена Карамзиным в категориях добра и зла. Не случайно, в рукописных альбомах, составляемых им для великой княгини Екатерины Павловны или для императрицы Елизаветы Алексеевны, Карамзин помещал выписки из сочинений европейских мыслителей о формах правления, в частности, письмо Ж.-Ж. Руссо к графу Мирабо, где французский философ цитирует фрагмент из трактата обнародованного в 1667 году от имени и по приказанию Людовика XIV «О правах Христианнейшей Королевы на различные государства испанской монархии», где недвусмысленно говорится: «Короли

имеют счастливую невозможность совершить что-либо вопреки законам своей страны». «Это подчинение своих обещаний закону или (подчинение) своих законов правосудию не является несовершенством или слабостью верховной власти. Необходимость вершить добро и невозможность впасть в заблуждение служат высшим степеням всякого совершенства». «Сам Бог не может большего <...>, а Государи, как воплощение Бога на земле, должны в особенности подражать в своих государствах такому Божественному бессилию» [26; цит. по: 6].

Руссо пишет: «Вот, из моих старых идей, большая политическая проблема, которую я сравниваю с квадратурой круга в геометрии или с проблемой долгот в астрономии: найти форму правления, которая поставила бы закон выше человека. Если же, к несчастью, это форма не находима, – и я простодушно признаю, что это так и есть, – то моё мнение таково: надо перейти к другой крайности и поставить вдруг человека выше всякого закона, т. е. установить неограниченнейшее самодержавие: я бы желал, чтобы самодержец был Бог» [19, с. 162].

«Одним словом, – продолжает Карамзин выписку из Руссо, – я не вижу никакой приемлемой середины между самой суровой демократией и совершеннейшим гоббизмом (т. е. строжайшей законностью в государстве. – Л. С.), ибо конфликт человека и закона, который ввергает государство в постоянную внутреннюю войну, есть наихудшее из всех политических состояний.

Но Калигулы, Нероны, Тиберию! Боже! Я катаюсь по земле и стенаю: отчего я человек?» [8, с. 17; 24, с. 240. Оригинал по-французски].

Список тиранов, приведённый Руссо, дополнялся в сознании Карамзина именем Ивана Васильевича Грозного («Ивашки»), верный рассказ о злодеяниях которого опровергал, по словам Пушкина, несколько «отдельных размышлений в пользу самодержавия» [23, с. 306].

Таким образом, испанская тема пересекается едва ли не со всеми ключевыми вопросами, волновавшими Карамзина в разные периоды его жизни и творчества. Это выводит тему из категории частных, локальных и придаёт ей особый смысловой масштаб. Такой подход позволяет уточнить и конкретизировать некоторые важные моменты мировосприятия Карамзина, нагляднее представить его ценностный мир, осмыслить его самоидентификацию. Испанская тема в карамзинском наследии оказывается прямо связанной с эволюцией мировоззрения и творчества писателя и историографа, отображая его отношение к проблемам политического устройства, государственной власти, добра и зла, человека и эпохи, героя и времени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Айхенвальд Ю. Дон Кихот на русской почве. Ч. 1. М., Минск, 1996. 352 с.
2. Алексеев М.П. К литературной истории одного из романсов в «Дон-Кихоте» // Сервантес, статьи и материалы. Л.: ЛГУ, 1948. С. 96-123.
3. Багно В.Е. Лики русского донкихотства // Вестник Европы. 2005. № 16. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/16/ba26.html>
4. В поисках смысла. Мудрость тысячелетий // Сост. А.Е. Мачехин. Изд-е 2-е. перераб. и доп. М.: Олма-Пресс, 2002. 912 с. <http://www.twirpx.com/file/751739/>
5. Вацура В.Э. «Сиерра-Морена» Карамзина и литературная традиция // XVIII век. Памяти Павла Наумовича Беркова (1896-1969). Сб. 21. СПб.: Наука, 1999. С. 327-336.
6. Закатов А. Монархия народная и легитимная URL: <https://www.proza.ru/2011/03/07/1056>
7. Каменецкая С.Б. «Рыцарь нашего времени» Карамзина в истории русской культуры (к 225-летию со дня рождения). Курск, 1991. 29 с.
8. Карамзин Н.М. Альбом с различными выписками (Стихи, пословицы и др.) // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. 1. Индекс 567.
9. Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 5, выпущенного в трёх книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. Кн. 1. М.: Книга, 1988-1989. 691 с.
10. Карамзин Н.М. Письма к И.И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. 727 с.
11. Карамзин Н.М. Письма к князю П.А. Вяземскому (1810-1826) «Старина и новизна». Исторический сб. Кн. 1. СПб., 1897. С. 1-204.
12. Карамзин Н.М. Письма к В.М. Карамзину // Атеней. 1858. № 4. Кн. 27. С. 56-62.
13. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника («Литературные памятники»). Л.: Наука, 1987. 718 с.
14. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1966. 424 с.
15. Карамзин Н.М. Соч.: В 2 т. Т. 1. Л.: Худож. лит., 1984. 672 с.
16. Крестова Л.В. Повесть Н.М. Карамзина «Сиерра Морена» // Роль и значение русской литературы XVIII века в истории русской культуры. М.Л.: Наука, 1966. XVIII век. Сб. 7. С. 261-266.
17. Лотман Ю.М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 5-22.

18. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга. 1987. 336 с.
19. Лыжин Н. Альбом Н.М. Карамзина // Летописи русской литературы и древности. М.:тип. Грачева и комп., 1859. Кн. II. С. 161-192.
20. Новости политические. Испания // Сын отечества. 1820. Ч. 61. С. 39-40.
21. Новости политические. Испания // Сын отечества. 1820. Ч. 65. С. 189-190, 278.
22. Политические и другие происшествия. Испания // Вестник Европы. 1820. № 10. С. 156-157.
23. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: АН СССР, 1935-1959. Т. 12. С. 306.
24. Rousseau a Victor Riquetti, marquise de Mirabeau. Trye le 26 Juillet 1767 // RousseauJ.J. Correspondancescomplite. Т. XXXIII. N 5991. Oxford: The Voltaire Foundation, 1979. P. 238-241.
25. L. Sokolova, R. G. Tirado, S. Kibalnik, I. Mokletsova, L. Safronova. РоссияиИспания: диалогкультур Rusia y Espasa: díblogo intercultural. Manual próctico de lectura y perfessionamiento de la lengua rusa para hispanohablantes (A1-A2 y B1-C1). Jizo Ediciones: Granada. 2013. 370 pp.
26. Traite des droits de la Reine tres cretienne sur divers Etats de la monarchie d'Espagne. Paris, 1667. 270 p.